

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ “ОСНОВНОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД” И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С “ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИМ МИНИМУМОМ” ЯЗЫКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Пражского отделения (Чехия) Международного научного фонда RSS/OSSF (грант № 148/2000).

Экспериментальные методы изучения современного состояния, количественного и качественного состава и других лингвистически значимых количественных характеристик корпуса паремиологических единиц языка получили свое начало и, как это обычно считается, образцовое воплощение в рамках структурной паремиологии. Речь идет прежде всего о знаменитом “паремиологическом эксперименте” Г. Л. Пермякова (на материале русского языка), ставшим впоследствии основанием (прежде всего в рамках лингвострановедческой теории афоризма) для определения состава афористических единиц не только русского языка, но и языка вообще (см. Верещагин, Костомаров 1990:73).

Сам эксперимент, о чем стоит еще раз напомнить, проводился в два этапа. На первом этапе группе информантов было предложено указать неизвестные им выражения из списка 1494 русских паремий, которые можно было бы, по мнению автора эксперимента, отнести к наиболее употребительным в настоящее время. На этом этапе было получено более 300 ответов. В ходе второго этапа эксперимента уже другой группе информантов (около ста человек) было предложено уже 538 изречений, подобранных Г. Л. Пермяковым, около 90 % которых проявили на первом этапе наивысшую степень известности. Однако на этот раз информанты должны были самостоятельно дописать недостающий фрагмент паремии, которая была задана только своей начальной частью. Ср.: *Обещанного –? ... (Ъ Обещанного три года ждут); Сказано –? ... (Ъ Сазано – сделано); Тише едешь –? ... (Ъ Тише едешь – дальше будешь)* и т. п. Главной целью эксперимента было выявить так называемый “паремиологический фонд” (корпус наиболее употребимых паремий) и ”паремиологический минимум” русского языка – минимальный состав пословиц, поговорок и других устойчивых изречений, известных всем носителям русского языка, – объем которого в итоге не превысил 500 единиц (см. Пермяков 1988: 154–166).

Лингвистическая значимость “паремиологический эксперимента” состоит не столько в том, что с его помощью удалось определить объем наи-

более употребимых русских пословиц, поговорок и других устойчивых речений и вообще решить проблему выявления ядерного состава паремиологического фонда того или иного конкретного идиома, сколько в том, что эксперимент дал богатейшие статистические данные и выдвинул множество новых вопросов как в области т. н. “социологии пословиц”, так и лингвистики афоризма.

Несмотря, однако, на всю свою методологическую оригинальность, поистине гениальную простоту и совершенно уникальную масштабность “паремиологический эксперимент” как, впрочем, и всякий первый опыт оказался несвободен от определенных неточностей и ошибок. Легко заметить, например, что уже сам отбор исходного паремиологического материала для эксперимента носил во многом (если вообще не целиком) субъективный характер, поскольку основным критерием определения объема корпуса исходных паремий выступала языковая компетенция исследователя, а не объективные лингвистические и экстралингвистические факторы (в том числе, что самое главное, и на втором этапе эксперимента даже несмотря на наличие промежуточных результатов, которые были учтены, как уже говорилось, только на 90 %). Кроме этого, место проведения эксперимента было территориально ограничено (только Москвой и Московской областью), а персональный состав информантов не был сбалансирован ни качественно, ни количественно (более 300 участников на первом этапе и только около ста – на втором), что, безусловно, не могло не повлиять на результаты “паремиологического эксперимента”.

Столь серьезные нарушения чистоты и широты эксперимента не позволяют распространять его результаты на весь паремиологический состав русского языка, так как степень общеизвестности и распространенности пословиц и поговорок, входящих в “паремиологический минимум” Г. Л. Пермякова, значима только в рамках языкового материала данного эксперимента; только, как совершенно справедливо заметил А. Крикман, для “данного региона России” (см. Крикман 1995: 340), и только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами действительно общеизвестных русских пословиц и поговорок, которым не нашлось места в составе выявленного Г. Л. Пермяковым “паремиологического минимума” русского языка. Ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Пар костей не ломит; Хороша Маша, да не наша* и т. п. В то же время среди единиц “паремиологического минимума” можно найти ряд весьма сомнительных в отношении своей известности каждому русскому человеку пословиц и поговорок. Ср.: *<Во всём> виноват стрелочник; Из искры – пламя; Нет розы без шипов* или *Розы без шипов не бывает* (ср., кстати, аналогичную пословицу *There is no Rose without a thorn*, которая действительно входит в число

800 самых употребимых английских пословиц и поговорок, см.: Ridout, Witting 1969: Prov. 663) и т. п. (см. Пермяков 1988: 155, 156, 158).

В связи с определением понятия паремиологического минимума естественно возникает вопрос о соотношении последнего как со всем корпусом паремиологических единиц, так и с “основным паремиологическим фондом”, понятие которого, в свою очередь, требует специального определения.

Согласно Г. Л. Пермякову, “в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций”. И далее, “паремиологический минимум какого-либо языка (народа) – это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т. е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще” (Пермяков 1988: 212–213).

Столь смелую универсализацию качеств “паремиологического минимума” Г. Л. Пермяков не успел, к сожалению, подкрепить соответствующими эмпирическими данными, что, однако, не лишило бы ее некоторых очевидных и весьма существенных противоречий. В частности, “паремиологический минимум” может и не отражать все возможные структурные и семантические типы афоризмов в каждом из данных языков, поскольку в существующем своем понимании качественно ограничен только новейшим языковым материалом и во многом детерминирован экстралингвистическими факторами (социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм и т. п.). По этим же причинам “паремиологический минимум” не должен, вопреки мнению Г. Л. Пермякова, совпадать по своему составу с “основным паремиологическим фондом” языка (гесп. объективно не может “иметь основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”).

Категориальным признаком единиц “основного паремиологического фонда” следует считать их устойчивость во времени, поэтому главным критерием включения той или иной паремии в состав “основного паремиологического фонда” будет являться ее фиксация как в наиболее ранних паремиологических собраниях, так и в современных паремиологических справочниках. Например, в “Словаре русских пословиц и поговорок” (1991) В. П. Жукова и в первом из известных рукописных сборников русских паремий XVII века “Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту”

(см. Симони 1899: 73–161) можно найти 209 пословиц и поговорок (без учета их вариантов), функционирующих в русском языке на протяжении как минимум последних трех столетий.

При этом, однако, неизбежно возникновение, по крайней мере, двух весьма серьезных проблем. Первая из них связана с ограничением встречаемости той или иной паремии в новейших источниках (не ранее второй половины XX века). Отсутствие фиксации той или иной паремии в наше время может свидетельствовать как о ее выходе из употребления вообще, так и о ее выходе лишь из активного состава паремиологических единиц данного языка в его современном состоянии. В этом смысле “основной паремиологический фонд” языка удобно представлять в виде полевой структуры, имеющим в диахронической перспективе свое ядро, свою периферию и свой маргинез. Основными источниками фактического материала в определении ядра основного паремиологического фонда данного языка могут быть только те паремиологические источники, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц, и достоверно отражают состояние языка в разные периоды его истории.

Вторая проблема связана с наличием большого числа различных трансформаций структуры одной и той же паремии в разные исторические периоды развития языка. Структурные модификации одной и той афористической паремии следует квалифицировать как ее своего рода диахроническую парадигму, детерминированную неизменностью плана содержания данного афоризма на всем протяжении исторического развития языка. При этом внешняя форма афоризма, разумеется, может изменяться, но лишь несущественно, не достигая того предела, когда нарушается соотношение его плана выражения и плана содержания (как в диахронии, так и в синхронии).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1990.
2. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1991.
3. *Крикман А.* Паремиологические эксперименты Г. Л. Пермякова // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г.Л.Пермякова. – М., 1995. – С. 338–382.
4. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. – М., 1988.
5. *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. // Сборник отделения русского языка и русской словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1899. – Т. 96. – № 7. – С. 73–161.
6. *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. – London, 1969.